

ЖАНРОВЫЕ И ТЕКСТОВЫЕ ПРИЗНАКИ МЕМУАРОВ

Т. Александрова, М. Билинкис,
С. Зуева, Э. Коллан, А. Рогинский,
Г. Суперфин, А. Харинг, ПУ

"...шум времени" отряхнул и вывернул:
мы после "должного" сна уже просыпаемся
(и это "должно"); не погружаемся, а вы-
гружаемся; и весь мой жест не от периферии
к центру, а из центра к... периферии:
к Асе, к близким друзьям, к... вообще
друзьям, к... людям, даже... к "литературе",
"дневнику происшествий",
фельетону, к газете..."

А.Белый - А.Блоку.

Нас интересует т.н. мемуарная литература (воспоми-
нания, дневники, записки, автобиографии и т.п.), ее
специфика, т.е. соотношение с другими видами литерату-
ры, - главным образом, художественной и близкой к ху-
дожественной.

Жанр - это особенность поведения текста
в читательской среде; его социальная функция. Он не

ношению к тексту как "вторичный язык". Иначе говоря, текст описывается жанром.

Мемуарная литература есть собственно мемуарный жанр, тогда как мемуарный текст (сообщение с событиями, очевидцем которого, по утверждению автора, он являлся) может содержаться в произведениях других жанров. Тексты могут пересекаться, т.е. сосуществовать в одном жанре, жанры же не пересекаются в гомогенной читательской среде.

Мы выделяем следующие конструкты мемуарного "языка":

а) *историческое время* (отличается от физического времени);

б) "*Я*" - пространственный конструкт, мотивирующий идеологический и сюжетный "углы зрения" автора и читательские манипуляции с этим понятием.

в) *невариативная истина*. Этот конструкт обозначает однозначное соответствие физических и исторических времен и пространств, которое для читателя, например, выражается в вере в написанное - "Если так пишут, значит так и было", "Вранье печатать не станут" и т.д.

Историческое время характеризуется координатами "Я участвовал", "Я видел", "Я слышал", где *Я* - и персонаж (функция от исторического времени), и границы исторического времени (пространство).

Соотношение времени записи и исторического времени (объекта записи). Историческое время может быть настоящим (самим близким, которое формально в тексте р а с т я -

г и в а е т с я) , недавно прошедший и давно прошедший. Самому близкому - "незаконченному времени" - соответствуют часто дневники, где, например, каждый день может продолжаться другим ("день" как своеобразная циклическая единица). Прошедшие времена характерны для воспоминаний.

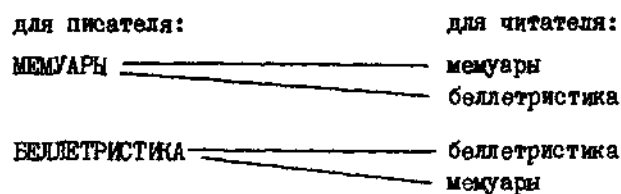
Предполагается, что коллективная память сохраняет события недавнего прошлого, поэтому воспоминания, им посвященные, направлены на обнажение скрытых от коллективной памяти сторон (неизвестных, не удостоверенных письменной традицией). Время записи здесь лежит на поверхности (этим такие воспоминания существенно отличаются от воспоминаний о далеком прошлом): "Я видел (слышал и т.д.) то, что вы не замечали; не хотели замечать или не имели права замечать". - Идея эпохи у читателя черпается из той же коллективной памяти, что и у писателя.

В воспоминаниях о давнопрошедшем времени действует принцип "Я видел (слышал и т.д.) то, чего даже ваши отцы не помнят". С отдалением времени написания мемуаров от исторического времени совершается переход от констатации и перечисления отдельных фактов к описанию эпохи вообще, соответственно этому возрастает степень насилия писателя над соотношением героев произведения и реальных лиц (физическое время записи становится историческим временем). Герои становятся функцией от идей произведения: от фактов одного значения (время недавно прошедшее) - к фактам разных значений (время давно прошедшее); сово-

купность значений создает общую концепцию произведения. Факты иллюстрируют значения.

"Я" в мемуарах. "Я" обыкновенно отождествляется читателем с реальным писателем, на самом же деле автор может выступать в мемуарах не только от собственно своего имени (персонаж, наиболее экономно, "незаметно" поддерживающий связь конструктов с реальным образом), но и заменять собой понятия "средний человек эпохи", "феноменальный человек эпохи" ("Я - фигура другой эпохи"), "человечество" и т.д.

Соотношение "языков" читателя и писателя. Возможны следующие варианты:

В случае, когда задуманное писателем произведение как относящееся к мемуарному жанру воспринимается читателем как беллетристическое, мы сталкиваемся с фактом того, что писателю свойственно **р а з г р а н и ч и в а т ь** жанры, а читателю - **с о в м е щ а т ь** их. Эту тенденцию со стороны читателя мы назовем "подходом", а со стороны писателя - "ориентацией".

У читателя имеются два подхода: беллетризаторский и, для данного случая, мемуарно-фактографический. Второй

подход проявляется, когда воспоминания читаются "исследовательски" (поиски прототипов и т.п.), такое чтение совпадает с чтением закрытой читательской средой дневников (подобно тому, как друзья писателя читают его произведения, отыскивая там какие-то намеки на реальные факты и т.д.). Если читатель действует подходами, то возможно сказать следующее: выбор "языка" писателем - функционален, а читателем - формален (более подробно об этом говорится ниже).

Нами сознательно здесь не выделяется третий подход - не читать (исходя из формальных признаков текста, читатель "определяет" его как запретный для чтения).

Таким образом, именно здесь мы сталкиваемся с жанровым воплощением произведения. Отсюда вытекает, что мемуарная литература как жанр существует более упорядоченно (классифицируется), а как запись исторического времени в предложенных выше координатах ("Я видел" и т.д.) существует в безразличном к жанрообразованию положении.

Мемуары могут укладываться в любой жанр, например, в публицистику.

Ориентация на читателя. Ориентация на читательскую среду проявляется у автора в выборе тематики (интересного содержания), но не жанра. Автор выбирает "язык" для задуманного произведения, а читатель отождествляет текст (реаль-

ный инвариант, закодированный "языком") с каким-нибудь из известных ему "языков"-жанров, наиболее подходящим (= экономным), по его мнению.

Собственно говоря, принцип экономии обязателен и для автора, для мемуариста наиболее экономным будет любой прозаический жанр как традиционный для мемуаров (достаточно редки случаи, когда произведению, записанному целиком не традиционным для мемуаров "языком", полностью удовлетворяет мемуарный текст, ср., например, поэму-воспоминания И. Северянина "Колокола собора чувств", отчасти "Спекторокого" Б. Пастернака).

Мемуары и мифотворчество. Мифотворчество как особенность коллективного поведения характерно для автора мемуарного произведения; здесь, должно быть, проявляется обратная связь между ним и текстом, который им порождается. (В равной читателю мере автор в жизни моделирует себя как героя своего произведения, которого читатели отождествляют с автором. Это сравнимо с поведением любого человека, исходящего из своей репутации и своего престижа. О таком моделировании писал еще Г.К. Честертон в эссе о Дж. Байроне.) Влияние, оказываемое текстом, ставит автора на одну доску с читателем. Мифотворчество такого вида мы называем "частным".

Надо признать, что массовое мифотворчество существует в любое время, но генерализируется, когда коллективом правит деспотизм. Идеи, доктрины и т.п. становятся продуктами мифотворчества, во-первых, унифицируясь

в своей специфической области (только одна идеология, только одна идея искусства, только одна идея в науках); во-вторых, становясь мифом. В такую эпоху мемуарный жанр почти сходит с книжного рынка, заменяясь историческими и биографическими произведениями. Герой такого произведения будет конструироваться по типу святого в житийной литературе.

Мемуары как исторический источник. Этот вопрос наиболее изучен. Мы можем добавить, что в качестве исторического источника необходимо рассматривать не только "что сообщается", но и то, к а к сообщается.

ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

МАТЕРИАЛЫ XXII НАУЧНОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

ПОЭТИКА

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

ЛИНГВИСТИКА

ТАРТУ 1967